

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА КАК ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

Ларионов Артем Олегович

Волгоградский государственный университет, artem_artem_2020@mail.ru

Статья посвящена проблеме источников уголовного права Российской Федерации. В правовой доктрине ведутся дискуссии по поводу места судебной практики в российской правовой системе. Хотя судебная практика в настоящее время не является официальным источником уголовного права, правоприменители ее активно используют. На основе позиций специалистов в области права необходимо выяснить, стоит ли судебную практику использовать наряду с другими источниками уголовного права. Согласно части 1 статьи 1 УК РФ уголовное законодательство Российской Федерации состоит из Уголовного кодекса. Новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в Уголовный кодекс. Следовательно, никакие другие законы в части, касающейся привлечения лица к уголовной ответственности, кроме УК РФ, не имеют прямого действия на территории России. Судебная практика не нашла конкретного места в российской правовой системе, потому что предоставление судам права, которое признает недействительным и отменяет нормы органов власти и управления, кардинально меняет роль суда. Он теперь не только разрешает индивидуальные споры, его компетенция распространяется и на правотворчество. Существует дилемма: суд занимается правотворческой деятельностью или выносит судебные решения по конкретным делам. Данный вопрос остается нерешенным в России.

Ключевые слова и фразы: судебная практика, источники уголовного права, уголовное право, правотворческая деятельность, судебная система.

LITIGATION PRACTICE AS ONE OF THE SOURCES OF THE RUSSIAN CRIMINAL LAW

Larionov Artem Olegovich

Volgograd state University, artem_artem_2020@mail.ru

The article is devoted to the problem of sources of criminal law of the Russian Federation. In legal doctrine, ongoing debate about the place of judicial practice in the Russian legal system. Although judicial practice is not currently an official source of criminal law, law enforcement actively uses it. On the basis of the positions of legal experts, it is necessary to find out whether judicial practice should be used along with other sources of criminal law. According to part 1 of article 1 of the criminal code the criminal legislation of the Russian Federation consists of the Criminal code. New laws providing for criminal liability are to be incorporated into the penal code. Therefore, no other laws regarding holding a person criminally liable, in addition to the criminal code, had no direct effect on the territory of Russia. Judicial practice has not found a specific place in the Russian legal system, because granting courts a right that invalidates and abolishes the norms of government and management, radically changes the role of the court. He is now not only resolves individual disputes, its jurisdiction extends to law making. There is a dilemma: the court engaged in law-making activities or makes judicial decisions on specific cases. This issue remains unresolved in Russia.

Key words and phrases: judicial practice, sources of criminal law, Criminal law, law-making activity, judicial system.

Как правило, в Российской Федерации источником уголовного права признается

Уголовный кодекс Российской Федерации, некоторые также выделяют и Конституцию Российской Федерации наряду с нормами международного права. А также предлагают считать источниками уголовного права:

- 1) Нормы иных отраслей права по бланкетной диспозиции.
- 2) Постановление Пленума Верховного Суда. Информации о полномочиях Верховного суда на создание норм нет ни в одном нормативно правовом акте или документе. В том числе и беря во внимание то, что постановление пленума не является источником, является обязательным для судов.
- 3) Решение Конституционного суда. В данном случае конституция выступает источником уголовного права.

Хотелось бы обозначить, что Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) считается универсальным законом, содержащим исчерпывающий список деяний, признаваемых преступлениями. Согласно части 1 статьи 1 УК РФ уголовное законодательство Российской Федерации состоит из Уголовного кодекса. Так же включению

в Уголовный кодекс подлежат новые законы, предусматривающие уголовную ответственность. Значит, практически никакие иные законы в части, касающейся привлечения лица к уголовной ответственности, не считая УК РФ, не имеют прямого действия на территории России.

Вместе с тем, в части 2 предоставленной нормы подчеркивается, что УК РФ берет свою базу на основе Конституции РФ и общепринятых принципах и нормах международного права. Сам основной закон имеет прямое действие, впрочем виновное лицо невозможно привлечь к ответственности за совершенное им преступление по какой-либо статье Конституции РФ.

Общепринятые и общепризнанные принципы, нормы международного права также не имеют прямого действия в уголовно-правовой сфере, хоть и имеют очень важное значение в уголовном праве. Так, Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» [3] установлено, что международные договоры образуют правовую основу межгосударственных отношений, помогают поддержанию всеобщего мира и безопасности, развитию международного сотрудничества в соответствии с принципами и целями Устава ООН.

Российская Федерация выступает за обязательное соблюдение обычных и договорных норм, подтверждает свою приверженность основополагающему принципу международного права – принципу добросовестного выполнения международных обязательств. В соответствии с частью 4 статьи 15 Конституции РФ составной частью правовой системы Российской Федерации выступают международные договоры и нормы международного права и общепризнанные принципы. В случае если международным договором РФ установлены другие правила, нежели предусмотренные законом, то используются правила международного договора [5].

Если говорить о вопросе признания судебной практики источником уголовного права (имеет ли право создавать правовую норму суд) юридическая наука и юридическая практика в Российской Федерации практически всегда склонялась к отрицательному мнению. Так, М.Н. Марченко определяет некоторые наиболее употребительные тезисы среди аргументов, которые отрицают роль судебной практики как источника современного российского уголовного права.

Во-первых, высказанное мнение о том, что признание судебной практики в качестве источника уголовного права противоречит принципу разделения властей. Тут М.Н. Марченко говорит о том, что нет в данный момент в этом принципе конкретной абсолютизации [4, с. 14–15]. Не обращая внимание на то, что данный принцип закреплен в Конституции Российской Федерации, формально между законодательной, исполнительной и

судебной властью строгих разделений функций и сфер деятельности нет. И так, осуществляя свои нормотворческие функции, законодательная власть, может оставить те или иные области общественных отношений вне правового регулирования. Однако когда с пробелом такого рода сталкивается судебная власть на практике, она не может каким-либо образом уйти или уклониться от решения данного вопроса. Суд, разрешая спор, восполняет пробел в регулировании судебной практикой, которая главным образом воплощена в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ.

В постановлениях Пленума ВС РФ существуют различные обобщения судебной практики, к которым обращаются юристы для того чтобы разрешить то или иное дело. Примером является постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2006 г. № 64 г. Москва «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления». Для обеспечения единообразного и правильного применения судами уголовного законодательства об ответственности за уклонение от уплаты сборов и налогов Пленум Верховного Суда Российской Федерации постановляет дать судам разъяснения в связи с поставленным вопросом [6]. Примером скрытого расширения границ уголовной противоправности можно привести позицию Пленума Верховного Суда РФ по вопросу об окончанности преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ [10, с. 74–75]. В ней говорится о вовлеченности взрослым лицом несовершеннолетнего в совершение преступления. Сравним постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.02.2000 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» п. 8, утратившее силу, и постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» п. 42, ныне действующее.

В первом преступление окончанным можно было считать с момента совершения взрослым лицом действий, которые направлены на вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления независимо от того, совершил ли он преступление или нет [8].

Действующее на данный момент постановление гласит, что это преступление считается окончанным в случае, если несовершеннолетний окончил преступление, приготовление к преступлению, покушение на преступление [7].

Если все-таки несовершеннолетний не совершал действия противоправного характера, оцениваемые как преступные, то действия взрослого лица будут оцениваться как покушение на вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления по ч. 3 ст. 30 и ст. 150 УК РФ [10, с. 11–12, с. 74–75].

Казалось бы, роль судебной практики предопределена рядом положений Общей части (ст. 1, 3, 14 и др.) Уголовного кодекса, из-за чего постановления Пленума Верховного Суда

РФ по уголовным делам могут быть лишь актами официального нормативного толкования положений уголовного закона, которые являются обязательными для судов и других органов в системе уголовного правосудия. При этом с учетом особенной роли отрасли в механизме правового регулирования толкование уголовного закона, при любых условиях не может быть расширительным, а надлежит быть ограничительным или буквальным. А так-же это толкование должно быть направлено на познание воли правотворца в том виде, как данная воля была сформулирована на момент принятия закона. Как правильно было замечено Н.Н. Вопленко, «не намерения и мотивы законодателя, оставшиеся за пределами созданного им нормативного акта, а государственная воля, содержащая в себе меру и объем свободы, официально выраженной и объективно закрепленной в письменной форме, – является объектом познания и интерпретации» [2, с. 14].

Впрочем, формально-логические выводы закона о роли практики ещё (увы) не предрешают их линейной адекватности фактам правовой действительности, фактам наличного бытия права. Естественно, судебная практика не создает и не имеет возможность создать уголовно-правовой запрет так, как это делает законодатель. Вместе с тем практика достаточно часто показывает себя через латентное расширение границ и пределов уголовной противоправности, не согласующееся с буквальным содержанием норм уголовного закона.

Относительно «безобидным» примером латентного расширения границ и пределов уголовной противоправности имеет место быть позиция Пленума Верховного Суда РФ по вопросу об оконченности преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ и заключающегося в вовлечении взрослым лицом несовершеннолетнего в совершение преступления.

Во-вторых, высказывание о том, что признание судебной практики в качестве источника уголовного права не согласуется с характерными особенностями романо-германской правовой семьи, к которой причисляют Россию, этот тезис далеко не бесспорный, отмечает М.Н. Марченко.

Приведенная точка зрения отталкивается от того, что специалисты в правовой области не считают приемлемым прецедент для романо-германской правовой семьи. При всем этом на практике европейских стран, относящихся к романо-германской правовой системе, часто используется судебная практика в качестве источника уголовного права [4, с. 14–15].

В нашем государстве судебная практика тоже находится в повседневном применении. Л.В. Смирнов пишет, что особенности места, которое занимают суды в системе разделения властей, обуславливают их возможность наиболее объективно и за меньший срок выявлять проблемы действующего законодательства [9 с. 22-25]. Судьи, находясь в постоянной соприкосновенности с обществом, могут эффективно и быстро принять нужное решение, чтобы восторжествовала справедливость. Именно поэтому придание судебным органам

правотворческой функции может обеспечить «самонастройку права», его качественное совершенствование и «очищение» от груза дефектов [4, с. 51]. Отталкиваясь от этого, можно считать, что признание судебной практики в качестве источника уголовного права в России не противоречило бы устоям романо-германской правовой системы.

В-третьих, точка зрения о том, что признание судебной практики в качестве источника уголовного права вступало бы в конфликт с правотворческой деятельностью Федерального Собрания РФ, однако судебная правотворческая деятельность осуществляет свои функции на основе закона и в строгом соответствии с ним, а также дополняет ее, заполняя некоторые пробелы в законодательстве [4, с. 14–15]. Этому может послужить пример судебной практики, когда термин «клевета» вернулся в уголовное законодательство, будучи ранее декриминализованным. Это было в октябре 2012 г., УК РФ [10, с. 59] был дополнен ст. 128.1. Нет конкретного определения терминов «честь», «достоинство» в законодательстве Российской Федерации, и следовательно, при судебном разбирательстве судья исходит из общепринятой трактовки данных понятий.

Деловая репутация напрямую зависит от материальных благ, то есть она может пострадать и данный носитель репутации потеряет крупную сумму денег. Поэтому клевета вредит не только чести и достоинству лица, а может также навредить экономическим интересам.

Как показала судебная практика, клевета, имеющая более серьезные последствия, как задевающая материальные блага и т.п. поместилась в УК РФ, а оскорбления, задевающие честь и достоинства лица, остались в КоАП РФ.

Это связано с тем, что насколько серьезным было правонарушение, настолько серьезным и будет наказание. Это дает повод задуматься, прежде чем высказываться оскорбительно. А порой факты, не имеющие места в действительности могут оказаться серьезным причинением вреда другому лицу. То есть на основе судебной практики был выявлен пробел в законодательстве, который смогла выявить и предотвратить судебная власть.

На основе этого можно сделать вывод, что судебная власть не вступала бы в конфликт с законодательной властью при признании судебной практики источником уголовного права, а только лишь гармонично сочеталась с ней и дополняла.

По мнению С.С. Алексеева, судебная практика не нашла конкретного места в российской правовой системе, потому что предоставление судам права, которое признает недействительным и отменяет нормы органов власти и управления, кардинально меняет роль суда. Он теперь не только разрешает индивидуальные споры, его компетенция распространяется и на правотворчество. Существует дилемма: суд занимается

правотворческой деятельностью или выносит судебные решения по конкретным делам. Данный вопрос остается нерешенным в России [1, с. 115–116].

Основываясь на том, что было сказано, делаем вывод, что судебная практика неформально выступает как источник уголовного права и необходима в нашей правовой системе, к сожалению, она не входит в официальный список источников российского уголовного права. Остаются некоторые вопросы: насколько будет соответствовать действительным потребностям жизни российского общества правотворческая функция судов? Будут ли созданы такие условия у судебной практики, которые позволят в будущем не противоречить правотворческой деятельности и вынесению решений судебной системе. На данный момент это весьма обсуждаемый вопрос, на основе которого считается, что в России судебная практика не является официальным источником уголовного права.

Список источников

1. Алексеев С.С. Право на пороге нового тысячелетия: Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. Москва, 2000г. с. 115–116.
2. Вопленко, Н. Н. Толкование права : монография / Н. Н. Вопленко. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2007. – 126 с.
3. Конституция Российской Федерации 1993.
4. Марченко М.Н. Является ли судебная практика источником российского права? // Журнал российского права. 2000. № 12. с. 14–15
5. О международных договорах Российской Федерации: Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 17.07.1995, N 29, ст. 2757.
6. О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.12.2006 г. № 64. Ст. 3.
7. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 г. № 1. Ст. 5.
8. О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.2000 г. № 7. Ст. 2.
9. Смирнов Л.В. Деятельность судов Российской Федерации как источник права // Журнал российского права. 2001. № 3. с. 22-25
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.